Научная статья
УДК 343.54
EDN STEMLT
DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(4).372-382

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПЫТКУ: СОВРЕМЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Н.Ю. Скрипченко
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
30 июня 2023 г.

Дата принятия в печать
24 августа 2023 г.

Дата онлайн-размещения
18 сентября 2023 г.

Ключевые слова

Пытка; физические и нравственные страдания; принуждение к даче показаний; превышение должностных полномочий; насилие; ответственность; оценочные признаки

Аннотация. Впервые закрепив пытку в числе способов криминального деяния в 1993 г., российский законодатель длительное время не увязывал пытку с действиями представителей публичной власти, обеспечивая исполнение международных обязательств за счет общих запретов. Реализация норм, образующих правовой механизм противодействия пыткам, выявила технико-юридические недостатки, определив изменения, внесенные в ст. 117, 286 и 302 Уголовного кодекса РФ в июле 2022 г. Трансформация отечественного нормативного определения деяний, образующих пытку, максимально приблизила российский подход к конвенционному. Однако отсутствие в российском понятии «пытка» конвенционного признака — специальный статус субъекта и отступление от универсального определения субъектного состава норм, предусматривающих ответственность за пытку, — влечет разную квалификацию схожих деяний и исключает применение более строгих санкций к должностным лицам, «санкционирующих» пытки вне сферы правосудия. В работе обосновывается предложение расширить субъектный состав ч. 4 ст. 286 Уголовного кодекса РФ. Выявленная нормативная десинхронизация в определении пытки по отношению к насилию в системе квалифицирующих признаков смежных составов не должна повлечь разную правовую оценку действий, явно выходящих за пределы полномочий должностного лица, так как различия в содержании насилия и пытки определяют конкурирующую роль указанных способов при квалификации преступлений. В отличие от насилия, охватывающего вред здоровью, конкретизированный в легальной дефиниции «пытка» вред не включает телесные повреждения, актуализируя вопрос о возможной дополнительной квалификации по составам против здоровья. Единообразие реализации закона диктует потребность разъяснения указанного вопроса на уровне Пленума Верховного Суда РФ. Строгость же санкций ч. 4 ст. 286 и ч. 3 ст. 302 Уголовного кодекса РФ является основой для расширительного толкования, не требующего совокупности по статьям гл. 16 Уголовного кодекса РФ.
Исключение пытки из числа квалифицирующих признаков истязания не повлекло частичной декриминализации в связи с нормативной «конверсией» объективно схожим способом, что не только исключает пересмотр приговоров, содержащих обвинение по п. «д» ч. 2 ст. 117 Уголовного кодекса РФ на основании ст. 10 Уголовного кодекса РФ, но и позволяет при определении пытки опираться на выработанные практикой критерии.

Original article

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR TORTURE: MODERN REGULATION AND IMPLEMENTATION PROBLEMS

Nina Yu. Skripchenko
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, the Russian Federation

Article info

Received
2023 June 30

Abstract. Russian legislators criminalized torture for the first time in 1993, and for a long time did not connect torture with the actions of state power representatives, ensuring the performance of international obligations through general prohibitions. The implementation of norms constituting the legal mechanism of counteracting torture revealed their technical legal drawbacks and lead to the introduction of amendments

© Скрипченко Н.Ю., 2023

Accepted
2023 August 24
Available online
2023 September 18

Keywords
Torture; physical and moral suffering; coercion to testify; abuse of power; violence; responsibility; appraisal features

in Art. 117, 286 and 302 of the Criminal Code of the Russian Federation in July 2022. The transformation of Russian normative definition of actions constituting torture made the Russian approach maximally close to the conventional one. However, the Russian definition of "torture" lacks a conventional feature — a special status of the subject and the deviation from the universal definition of the subject content of the norms providing for liability for torture — which leads to different qualification of similar actions and excludes the application of more serious sanctions towards officials who «sanction» torture outside the sphere of justice. The article argues for the suggestion to widen the subject content of Part 4, Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. The revealed normative desynchronization of defining torture in relation to violence in the system of qualifying features of adjacent methods of committing crimes should not lead to differences in the legal assessment that evidently are outside the official powers of a public official, as the differences in the contents of violence and torture define the competing role of these methods of committing crimes in crime qualification. Unlike violence, encompassing harm to health, the harm specified in the legal definition of «torture» does not include bodily harm, raising the question of possible additional qualification on crimes against health. The consistency of law enforcement makes it necessary to clarify this question at the level of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation. The severity of sanctions of Part 4, Art. 286 and Part 3, Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation is the basis for a wider interpretation that does not require cumulative offences under articles in Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation. Exclusion of torture from the number of qualifying features did not lead to partial decriminalization due to a normative «conversion» by an objectively similar way, which does not only exclude the reconsideration of verdicts containing accusations under Item «д», Part 2, Art. 117 of the Criminal Code of the Russian Federation on the basis of Art. 10 of the Criminal Code of the Russian Federation, but also makes it possible to use practice-based criteria when defining torture.

Введение
(формирование отечественного правового механизма противодействия пыткам)

В Средние века насилие и пытки, занимая значимое место в арсенале средств государственного управления, применялись для устрашения не только конкретного человека, но и всего общества, что определяло их распространенность и изощренность. Играя ведущую роль в уголовном судопроизводстве, пытки, в форме испытаний участников процесса (огнем, водой, раскаленным железом и т.д.) или как самостоятельное средство доказывания, обеспечивали раскрытие преступлений в условиях ограниченных технических возможностей, позволяющих установить обстоятельства криминального деяния и причастность конкретного лица к его совершению. Применяемое в рамках уголовного преследования насилие, несло и мощный предупредительный потенциал, поддерживаемый публичностью исполнения и маркировкой нарушителей, влекущей пожизненный позор и унижение для преступника, покорность и страх членов общества.

Со временем пытки и телесные наказания не только были исключены из числа легальных мер государственного принуждения, но и стали оцениваться как тяжкие преступления, посягающие на основополагающие права и свободы человека, а вопросы противодействия соответствующим формам насилия вышли за пределы внутринациональной юрисдикции. Впервые найдя отражение во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г.[1], запрет на применение пыток, унижающих достоинство жестоких или бесчеловечных форм обращения с человеком (ст. 5), был детализирован в последующих конвенционных документах, фокусирующих внимание на недопустимости любых форм насилия со стороны публичной власти[2]. Увязывая пытку исключительно с деятельностью должностных лиц, международные стандарты обязывают государ-

[1] Всеобщая декларация прав человека : принята Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 44. Ст. 448.

[2] См., например: Международный пакт о гражданских и политических правах : принят Генер. Ассамблеей ООН 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291 ; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена 4 нояб. 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163 ; Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания : принята Генер. Ассамблеей ООН 9 дек. 1975 г. (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

ства принимать меры, направленные не только на искоренение жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, но и на порицание представителей публичной власти, проявляющих терпимость к пыткам, подстрекающих к ним или оправдывающих применяемое насилие исполнением приказа, условиями чрезвычайного положения, состоянием или угрозой войны, угрозами национальной безопасности, внутренней политической нестабильностью и т.п. (ст. 5 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка[3]).

Последующее неоднократное обсуждение на международном уровне вопросов реализации конкретных мер, направленных на пресечение пыток, определили разработку специального акта — Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания[4] (далее — Конвенция), принятие которого в 1984 г. на уровне Генеральной Ассамблеи ООН, свидетельствует о признании глобального и универсального характера соответствующей проблемы [1–6].

Ратификация отечественным законодателем указанного документа в 1987 г.[5] не повлекла установления специального запрета соответствующих действий, а сам термин «пытка» впервые появился в криминализованном в 1993 г. похищении человека, характеризуя один из способов, влекущих более строгое наказание (ч. 2 ст. 125.1 Уголовного кодекса РСФСР[6]). В Уголовном кодексе РФ пытка относилась к числу признаков, дифференцирующих ответственность за истязание (п. «д» ч. 2 ст. 117) и принуждение к даче показаний (ч. 2 ст. 302). При этом более 20 лет в арсенале правоприменителя была только международная дефиниция, так как в отечественном законодательстве соответствующее понятие нашло отражение только в 2003 г., в связи с принятием Федерального закона № 162-ФЗ[7], дополнившего ст. 117 УК РФ примечанием, закрепляющим легальное толкование пытки. Следует отметить, что длительное отсутствие нормативной констатации соответствующего понятия не препятствовало исполнению обязательств, вытекающих из ратификации Конвенции, так как правовой механизм противодействия пыткам и схожим жестоким, унижающим достоинство видам обращения и наказания, обеспечивался не только за счет инкорпорации международных стандартов (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), но и за счет общих запретов, позволяющих привлечь к ответственности за действия, являющиеся по сути пыткой, так как конвенционные нормы не обременяют государства криминализировать соответствующие посягательства в «чистом виде».

В целом разделяя стремление законодателя дать ориентиры сотрудникам органов уголовной юстиции в определении одного из видов насилия, конкретизированного в законе посредством схожих терминов («истязание», «особая жесткость», «издевательство», «мучение» и т.п.), многие ученые обратили внимание на содержательное различие национальной и конвенционной дефиниций (см., например: [7–12]). Дословно воспроизведя деяние (причинение физических или нравственных страданий) и цель (понуждение к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека; наказание), характеризующие пытку в формулировке международного акта, российский законодатель не отнес дискриминационные мотивы к числу альтернативно-обязательных субъективных признаков пытки и установил открытый перечень целей, допуская вменение пытки лицу, применяющему насилие в «иных целях». В отличие от конвенционного понятия, увязывающего пытку исключительно с действиями представителей публичной власти, определение, закрепленное в УК РФ, не ограничивалось специальным субъектом. Избранный отечественным законодателем подход к определению пытки, вкупе с отнесением указанного способа к числу признаков, дифференцирующих ответ-

[3] Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка : принят Генер. Ассамблеей ООН 17 дек. 1979 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания : заключена 10 дек. 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

[5] О ратификации Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 21 янв. 1987 г. № 6416-XI // Там же. № 4. Ст. 59.

[6] Статья введена законом РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» от 29 апреля 1993 г. № 4901-1 (Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 22. Ст. 789).

[7] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ : федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

ственность за насильственное преступление общеуголовного характера, заложил основу для формирования практики, допускающей осуждение за пытки лиц, причиняющих физические и психические страдания, далекие по своему содержанию от произвола публичной власти. В частности, за истязание с применением пытки осуждались лица, причиняющие изощренные по своей жесткости физические и психические страдания потерпевшим в целях добиться признания в совершении преступлений[8], признаться в супружеской неверности[9] или по мотивам ревности[10], принуждения к выполнению каких-либо действий[11] и т.п.

Пытки, применяемые должностными лицами, подлежали государственному порицанию в рамках соответствующего способа в случаях принуждения к даче показаний (ч. 2 ст. 302 УК РФ). Причинение же представителями публичной власти физических или нравственных страданий не в целях принуждения участников процесса к даче показаний, а в иных целях (например, запугать), исключало состав ч. 2 ст. 302 УК РФ, при этом квалификация содеянного п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ не учитывала совершения должностным лицом действий, явно выходящих за пределы полномочий, а вменение превышения должностных полномочий с применением насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ) не охватывало изощренного способа причинения страданий потерпевшему (подробнее см.: [13, с. 33; 14]).

Реализация норм, образующих отечественный правовой механизм противодействия пыткам, актуализировала вопросы не только уголовно-правовой оценки соответствующих действий, но и обоснованности их пенализации. Закладывая в санкции указанных выше норм разный карательный потенциал, законодатель отступил от принципа справедливости, установив разные наказания за объективно схожие деяния: ч. 2 ст. 117 УК РФ предусматривала наказание в виде лишениям свободы на срок от 3 до 7 лет, ч. 2 ст. 302 УК РФ — от 2 до 8 лет, а ч. 3 ст. 286 УК РФ — от 3 до 10 лет.

---

[8] Осуждая П. по п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ, суд указал, что, будучи уверенным в виновности О. в смерти брата П., связав руки и ноги, заклеив рот О., потребовал от нее признаться в смерти брата. После слов О. о непричастности к смерти, П., имитируя желание лишить потерпевшую жизни, неоднократно высказав в ее адрес угрозы убийством, сопровождая их перекрыванием рта пакетом, что влекло потерю сознания О. Приводя потерпевшую в чувство, П. вновь требовал признаний, повторив свои действия три раза. См.: Приговор Неманского городского суда Калининградской области от 11 сентября 2011 г. по уголовному делу № 1-90/2011. URL: http://nemansky.kln.sudrf.ru.

[9] Например, пытку усмотрел суд в действиях Б., причинившего термические ожоги раскаленным паяльником на лице и на ноге сожительнице О. в целях заставить признаться в супружеской неверности. Требуя признания, Б. угрожал расправиться раскаленным паяльником и с годовалым ребенком О., удерживая его на весу за ворот одежды, причинив тем самым повреждение в виде странгуляционной борозды в области шеи, не приведшее к вреду здоровью, но причинившее физическую боль. Б. был осужден по ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 119 и п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ. См.: Приговор Черлакского районного суда Омской области от 22 июля 2010 г. по уголовному делу № 1-24/2010. URL: http://cherlakcourt.oms.sudrf.ru.

[10] Осуждая Д. по п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ суд указал, что, беспричинно ревнуя Б. и проявляя при этом жестокость, Д. насильно вывел потерпевшую из салона автомашины, сорвал с нее шубу, разорвал платье и оставил в одном нижнем белье на срок не менее 15 минут при температуре минус 19,2 градуса, причинив тем самым физические и психические страдания с применением насильственных действий и пытки. См.: Приговор Невьянского городского суда Свердловской области от 12 мая 2011 г. по уголовному делу № 1-116/2011. URL: http://neviansky.svd.sudrf.ru.

[11] Приговором суда Х. осужден по п. «б» ч. 2 ст. 2281, ч. 1 ст. 210, пп. «д», «е» ч. 2 ст. 117, п. «а» ч. 3 ст. 163, п. «а» ч. 4 ст. 162, п. «а» ч. 3 ст. 2281, ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 2281 (4 эпизода), п. «г» ч. 2 ст. 112, п. «а», «г» ч. 3 ст. 2281, п. «а», «в» ч. 3 ст. 163, ч. 1 ст. 222 УК РФ. В ходе судебного следствия установлено, что Х. создал преступное сообщество, действовавшее под его единым руководством и осуществлявшее свою преступную деятельность в форме объединения двух организованных групп. В функциональные обязанности первой группы входило приискание прекурсоров и оборудования, необходимых для изготовления наркотических средств, изготовление и сбыт наркотических средств. Функциональные обязанности второй организованной группы заключались в вовлечении в преступное сообщество новых членов из числа лиц, причастных к незаконному сбыту наркотических средств путем их физического и психического принуждения с использованием оружия; силовом разрешении конфликтов, возникающих между лицами, входящими в состав преступного сообщества, и лицами, причастными к незаконному обороту наркотических средств, при разделе сфер влияния, обеспечении личной безопасности участников преступного сообщества с целью сокрытия от правоохранительных органов совершенных ими преступлений; вымогательстве и хищении денежных средств у лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств, отказывающихся добровольно участвовать в деятельности преступного сообщества, путем шантажа, угроз и пыток. См.: Приговор Мурманского областного суда от 18 февраля 2011 г. по уголовному делу № 1-16/2011. URL: http://oblsud.mrm.sudrf.ru.

Востребованность норм, предусматривающих ответственность за пытку, обусловленная реализацией мер государственного принуждения на выявленные в 2021 г. нарушения прав человека в учреждениях системы исполнения уголовных наказаний[12], вскрыла изъяны содержания уголовно-правового регулирования, определив изменения и дополнения, внесенные 14 июля 2022 г. Федеральным законом № 307-ФЗ[13] в ст. 117, 286 и 302 УК РФ.

Переместив пытку из арсенала признаков, дифференцирующих ответственность за истязания в число квалифицирующих признаков превышения должностных полномочий, дополнив ст. 286 УК РФ Примечаниями, закрепляющими понятие пытки, включающее, в отличие от утратившего силу, цель «запугать» и дискриминационные мотивы, ограничивающие «иные причины» причинения сильной боли, физических и нравственных страданий (п. 1), и обстоятельства, исключающие пытку — правомерный характер применяемых мер принуждения (п. 2), законодатель максимально приблизил российскую дефиницию к международной.

Расширив содержание состава, охватываемого ст. 302 УК РФ, отнеся к числу потерпевших принуждения к даче показаний осужденного и оправданного, а к числу субъектов «иных сотрудников правоохранительных органов», и выделив пытку из квалифицированного, устанавливающего повышенную ответственность с учетом насильственного способа совершения преступления, в особо квалифицированный состав (ч. 3 ст. 302 УК РФ), законодатель пенализируя пытки, не только устранил дисбаланс санкций за объективно схожие деяния, но и перевел пытки, организованные и (или) проводимые представителями власти, в число особо тяжких преступлений, увеличив тем самым и сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Реформирование правового механизма противодействия пыткам актуализирует потребность комплексного анализа уголовных запретов, значимого для определения перспектив реализации.

[12] В Совете по правам человека сообщили о многочисленных случаях пыток в саратовской туберкулезной больнице ФСИН. URL: https://www.interfax.ru/russia/806081 (дата обращения: 01.11.2022).

[13] О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29, ч. 3. Ст. 5274.

Соотношение понятия «пытка» в международном и национальном законодательстве

Сравнительный анализ конвенционного и отечественного определения «пытка», свидетельствует о том, что понятие, закрепленное в п. 1 Примечания к ст. 286 УК РФ, практически дословно воспроизводит ст. 1 Конвенции[14], за исключением форм деяния и субъекта. В отличие от международной дефиниции, конкретизирующей официальный статус причинителя страданий и активную форму деяния, российская — не относит субъекта к обязательным признакам и допускает пытку в форме бездействия.

Отказ отечественного законодателя от закрепления одного из ключевых признаков, позволяющих относить насилие к пыткам, — специальный статус субъекта, очевидно связан с отнесением соответствующего способа к средствам дифференциации уголовной ответственности исключительно должностных преступлений. Однако, в отличие от состава принуждения к даче показаний (ч. 1 ст. 302 УК РФ), дублирующего, по сути, конвенционную дефиницию в части субъекта, диспозиция ч. 1 ст. 286 УК РФ не предусматривает «другое лицо», что исключает пытку в случаях причинения физических или нравственных страданий общим субъектом, а, соответственно, и квалификацию деяний по указанной норме, несмотря на изощренность воздействия, специальную цель (причины), подстрекательство или одобрение со стороны должностного лица.

Выявленное отступление от универсального подхода к определению составов, предусматривающих пытку в качестве квалифицирующего признака, влечет разную уголовно-правовую оценку, а, следовательно, и объем государ-

[14] Статья 1. Для целей настоящей Конвенции определение «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно.

ственного порицания объективно схожих деяний, актуализируя вопрос о реализации принципа справедливости [15].

Широко определяя формы пытки, отечественный законодатель, очевидно, исходил из потребности обеспечить неотвратимость ответственности за бездействие должностных лиц, которые в силу своего статуса обязаны и могли предотвратить нарушение закона, но не делают этого, создавая условия для причинения потевшему физических страданий третьими лицами, либо неправомерно отказывая в предоставлении потерпевшему свидания (звонка) с близкими, в случаях острой необходимости.

Системный же анализ легального понятия пытка и составов ст. 286 и 302 УК РФ, позволяет усомниться в том, что бездействие «укладывается» в объективную сторону указанных составов, так как вменение соответствующего способа не исключает потребности установления признаков основного состава. Превышение же должностных полномочий возможно исключительно в форме действий, явно выходящих за пределы полномочий должностного лица, а принуждение к даче показаний образует одну из форм превышения — совершение должностным лицом действий, которые «никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать»[15]. Предусмотренное ч. 1 ст. 302 УК РФ в качестве деяния, образующего объективную сторону, «молчаливое согласие» сотрудника правоохранительного органа, «наделяет» общего субъекта специальным статусом, обеспечивая неотвратимость ответственности соучастников, а не форму криминального деяния, выражающегося в отказе должностного лица от реализации обязанностей, предписанных нормативными требованиями, так как оценка отказа, как бездействие, исключит соисполнительство. Заложив в конструкцию состава ч. 1 ст. 302 УК РФ «необходимое соучастие» (подробнее см.: [16, с. 31; 17; 18]), законодатель исключает общего субъекта, так как вменение пытки обеспечивается за счет «санкционирования» сотрудником правоохранительного органа насилия, применяемого «другим лицом».

Изложенное свидетельствует о том, что выявленные различия в конвенционном и национальном определении пытки носят формальный характер, фактически же составы, закрепляющие пытку в числе квалифицирующих признаков, исключают деяние в форме бездействия, а их специальный субъектный состав ограничивает пытку только действиями представителей публичной власти.

Вместе с тем определение принуждения к даче показаний посредством состава с «необходимы соучастием», обеспечивает неотвратимость ответственности за пытки, применяемые общим субъектом, но «санкционированные» сотрудником правоохранительных органов; конструкция же состава превышения должностных полномочий не предусматривает соответствующего признака, допуская вменение пытки, исключительно в случае применения насилия должностным лицом. Реализация принципа справедливости определяет необходимость унифицированного подхода к содержанию составов, предусматривающих ответственность за объективно схожие деяния, актуализируя потребность расширения субъектного состава ч. 4 ст. 286 УК РФ.

Проблемы реализации норм, предусматривающих ответственность за пытки, обусловленные законодательной конструкцией составов

Вопросы, возникающие в связи с особенностью конструкции составов, устанавливающих ответственность за пытку. Увязав пытку с действиями представителей публичной власти, законодатель не только наполнил отечественное понятие содержательным конвенционным признаком, но и устранил допущенное при формулировке п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ нарушение правил конструирования квалифицированных составов, так как определение основного и квалифицированного составов посредством однородных по содержанию понятий, ибо пытка есть не что иное, как истязание, обременяло правоприменителя поиском критериев их разграничения и сужало сферу реализации ч. 1 ст. 117 УК РФ [18, с. 242].

Закрепление же пытки среди признаков составов криминального использования властных полномочий в нормах действующей редакции, вызывает вопросы соответствия критериев отбора уголовно-правовых средств, используемых для дифференциации ответственности и соблюдения требований формальной определенности закона. Так, отнеся рассматриваемый спо-

[15] О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 16 окт. 2009 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12. П. 20.

соб к числу признаков, влекущих более строгое наказание в рамках состава ст. 286 УК РФ, законодатель отвел ему место в ч. 4, охватывающей деяния, предусмотренные ч. 1, 2 или 3 указанной нормы. В составе же о принуждении к даче показаний (ст. 302 УК РФ), пытка закреплена в числе квалифицирующих признаков (ч. 3), повышающих степень опасности действий, предусмотренных только ч. 1.

Отступив от универсального подхода к определению дифференцирующего значения анализируемого способа в конструкции смежных составов, законодатель поставил перед сотрудниками органов уголовной юстиции вопрос о правовой оценке соответствующих посягательств с учетом отнесения пытки к числу квалифицирующих признаков, выступающих альтернативой насилию при принуждении к даче показаний и усугубляющему насилие при превышении должностных полномочий. Конкретизация же дефиниции «пытка» через оценочные и синонимичные понятия «сильная боль», «физические или нравственные страдания», актуализирует потребность определения содержания негативных последствий, характеризующих анализируемый вид насилия, и выявления критериев, которыми следует руководствоваться при разграничении «пытки» и «издевательств», закрепленных в качестве альтернативно-квалифицирующих признаков принуждения к даче показаний.

Правовая оценка действий, образующих пытку, с учетом особенностей закрепления указанного способа в системе квалифицирующих признаков смежных составов. Оценивая возможное влияние нормативной рассогласованности в определении дифференцирующего значения пытки на квалификацию, следует отметить, что выявленные особенности конструкции анализируемых состав, очевидно, обусловлено их разным набором и объемом конструктивных и квалифицирующих признаков. Широкое содержание состава ст. 286 УК РФ определяет разнообразие и больший перечень признаков, дифференцирующих ответственность, а потребность экономии законодательного материала послужило основанием для отнесения пытки к признакам, усиливающим наказание, в том числе и за превышение должностных полномочий с применением насилия. Ограниченный же перечень квалифицирующих признаков специального состава ст. 302 УК РФ позволил обособить соответствующие способы в рамках самостоятельных частей.

Нормативная десинхронизация рассматриваемого способа в системе квалифицирующих признаков смежных составов, не должна, на наш взгляд, влечь разную правовую оценку объективно схожих деяний, так как несмотря на более широкое по содержанию понятие «насилие», включающие «пытку», указанные способы являются конкурирующими.

Задействованность «насилия» в числе составообразующих признаков, определило выработку доктриной [19–23] и практикой[16] подходов к определению рассматриваемого оценочного понятия, которые сводятся к перечислению форм физического воздействия: побои, иные насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.), причинением вреда здоровью. Степень же охватываемого вреда здоровью зависит от строгости санкций нормы, предусматривающей неконкретизированное насилие [19, с. 85].

Заложенные в понятие «пытка» общественно опасные последствия «сильная боль», «физические и нравственные страдания», позволяют к отличительным признакам рассматриваемого способа относить явно избыточные, особо изощренные по жесткости формы воздействия на организм человека. Термин «страдание» свидетельствует о продолжительности воздействия. При этом ключевое значение в установлении соответствующего способа будут иметь субъективные признаки: осознание и желание виновного применить именно данный способ, а также цель (получить сведенья или признания; наказать; запугать, принудить) или дискриминационный мотив.

[16] О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 4 дек. 2014 г. № 16. П. 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2 ; О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29. П. 2 // Там же. 2003. № 2 ; О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса РФ) : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 17 дек. 2015 г. № 56. П. 6 // Там же. 2016. № 2 ; Определение Верховного Суда РФ от 5 дек. 2002 г. № 49-о02-63 // СПС «КонсультантПлюс» ; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22 октября 2021 г. по уголовному делу № 77-4229/2021 // Там же ; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2021 г. по уголовному делу № 77-258/2021 // Там же.

Различия в содержательном наполнении насилия и пытки определяют конкурирующую роль указанных способов при квалификации преступлений. В отличии от насилия, охватывающего последствия в виде вреда здоровью, конкретизированный в легальной дефиниции «пытка» вред, не включает телесные повреждения, актуализируя вопрос о дополнительной уголовной-правовой оценки действий по статьям главы 16 УК РФ. Единообразие реализации закона диктует потребность разъяснения указанного вопроса на уровне Пленума Верховного Суда РФ. Строгость же санкций ч. 4 ст. 286 и ч. 3 ст. 302 УК РФ, может, на наш взгляд, послужить основой для расширительного толкования, не требующего вменения составов преступлений против здоровья.

«Пытка» и «издевательство»: критерии разграничения. При определении критериев, которыми следует руководствоваться при разграничении «пытки» и «издевательств», закрепленных в качестве альтернативно-квалифицирующих признаков принуждения к даче показаний, следует опираться на выработанные в доктрине ориентиры, позволяющие разграничивать схожие по содержанию виды насилия, определенные в законе посредством оценочных понятий и накопленный опыт реализации соответствующих норм, в том числе предусматривающих «издевательство» в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «и» ч. 2 ст. 63 УК РФ), и составообразующего признака (ч. 1 ст. 107, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, ч. 1 ст. 335 УК РФ). И в теории [24, с. 234; 25, с. 85], и на практике[17] издевательство увязывается с действиями против личности, выражающимися в глумлении, унижении чести и достоинства, причинении человеку дополнительных к совершенному преступлению физических и моральных страданий. Для издевательства не характерна, свойственная тяжкому оскорблению неприличная форма выражения, хотя по своему содержанию издевательство цинично, оскорбительно, глубоко ранит психику человека, часто выражаясь в насмешках над его физическими недостатками или другой ущербностью (в этом случае может усматриваться характерный для пытки дискриминационный мотив).

[17] О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 янв. 1999 г. № 1. П. 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

При определении пытки, следует руководствоваться предложенными выше объективными и субъективными критериями, ориентирующими на установление изощренного по способам воздействия на человека насилие, для достижения определенных целей.

Дополнительно следует обратить внимание, что исключение пытки из числа квалифицирующих признаков истязания не повлекло, на наш взгляд, частичной декриминализации соответствующего криминального посягательства, так как законодатель «компенсировал» данный способ объективно схожим — «с особой жесткостью, издевательством или мучениями для потевшего». Указанная конверсия не только исключает пересмотр приговоров, содержащих обвинение по п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ по правилам об обратной силе действия уголовного закона (ст. 10 УК РФ), но и расширяет арсенал критериев, позволяющих правоприменителю обосновывать вменение пытки и разграничивать рассматриваемый способ со смежными. Отнесение до 2022 г. пытки к квалифицирующему признаку истязания не исключало учет причинения особых физических и нравственных страданий при квалификации преступления против жизни и здоровья. Части вторые ст. 105, 111 и 112 УК РФ предусматривают в числе признаков, усиливающих наказание за лишение жизни и причинение вреда здоровью, «особую жесткостью, издевательство или мучения для потерпевшего», а содержательное наполненное конкретными примерами, судебное толкование указанного способа на уровне Пленума Верховного Суда РФ, заложило основу для формирования единой практики реализации соответствующих норм. Системность правоприменения позволяет при определении пытки опираться на разъяснения, содержащиеся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», а заложенные в легальное понятие пытки субъективные признаки, являются ориентирами, позволяющими отграничить пытку от иных форм проявления особой жесткости.

Заключение

Трансформация отечественного нормативного определения деяний, образующих пытку, не только унифицировала национальный и конвенционный подход к содержанию пытки, но и устранила технико-юридические изъяны, пре-

пятствующие более строгому государственному порицанию представителей публичной власти, допускающих жестокое, бесчеловечное и унижающие достоинство обращение и наказание, проявляющих терпимость или подстрекающих к указанным действиям.

Проведенный анализ современного уголовно-правового механизма противодействия пыткам свидетельствует об отсутствии в отечественной дефиниции «пытка» одного из ключевых конвенционных признаков — специальный статус субъекта, компенсируемого отнесением соответствующего способа к средствам дифференциации уголовной ответственности исключительно должностных преступлений. Однако отступление от универсального подхода к определению субъектного состава норм, предусматривающих ответственность за пытку, влечет разную уголовно-правовую оценку объективно схожих деяний. Неотвратимость ответственности должностных лиц, «санкционирующих» пытки, применяемые вне сферы правосудия, может быть обеспечена посредством расширения субъектного состава ч. 4 ст. 286 УК РФ, сконструировав его в как состав с «необходимы соучастием».

Выявленная нормативная десинхронизация в определении пытки по отношению к насилию в системе квалифицирующих признаков смежных составов, не должна повлечь разную правовую оценку действий, явно выходящих за пределы полномочий должностного лица, так как различия в содержании насилия и пытки определяет конкурирующую роль указанных способов при квалификации преступлений.

В отличие от насилия, охватывающего последствия в виде вреда здоровью, конкретизированный в легальной дефиниции «пытка» вред, не включает телесные повреждения, актуализируя вопрос о возможной дополнительной уголовной-правовой оценки действий по составам против здоровья. Единообразие реализации закона диктует потребность разъяснения указанного вопроса на уровне Пленума Верховного Суда РФ. Строгость же санкций ч. 4 ст. 286 и ч. 3 ст. 302 УК РФ является основой для расширительного толкования, не требующего совокупности по статьям гл. 16 УК РФ.

Проведенный правовой анализ свидетельствует, что исключение пытки из числа квалифицирующих признаков истязания не повлекло частичной декриминализации, в связи с нормативной конверсией объективно схожим способом — «с особой жесткостью, издевательством или мучениями для потевшего». Указанная «компенсация» не только исключает пересмотр приговоров, содержащих обвинение по п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ на основании ст. 10 УК РФ, но и позволяет при определении пытки и отграничении данного способа от смежных опираться на критерии, содержащиеся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

Реализация новых норм на практике позволит протестировать их эффективность, комплексный же анализ свидетельствует содержательном наполнении современного уголовно-правового механизма противодействия пыткам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Carraro V. The more the better? The complementarity of United Nations institutions in the fight against torture / V. Carraro. — DOI 10.1177/09240519221131668 // Netherlands Quarterly of Human Rights. — 2022. — Vol. 40, No. 4. — P. 354–378.

2. Engstrom P., Pegram T. Torture Prevention in Latin America: Rights of Persons Deprived of Liberty and the Role of National Preventive Mechanisms / P. Engstrom, T. Pegram // Human Rights Behind Bars. Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice / Burbano H.C., Haeck Y. (eds.). — Cham : Springer, 2022. — P. 319–350.

3. Ibrayeva A. Some aspects of fight against tortures in Kazakhstan / A. Ibrayeva // Medicine and Law. — 2017. — Vol. 36, No. 3. — P. 77–88.

4. Jefferson A.M. Situated Perspectives on the Global Fight against Torture / A.M. Jefferson // Reflexivity and Criminal Justice: Intersections of Policy, Practice and Research. Publisher Palgrave Macmillan., 2016. P. 335–356.

5. Kelly T. The struggle against torture: Challenges, assumptions and new directions / T. Kelly. — DOI 10.1093/jhuman/huz019 // Journal of Human Rights Practice. — 2019. — Vol. 11, No. 2. — P. 324–333.

6. Ribotta S. Torture and ill-treatment in democratic Spain / S. Ribotta. — DOI 10.7203/CEFD.43.17577 // Cuadernos Electronicos de Filosofia Del Derecho. — 2020, No. 43. — P. 155–188.

7. Векленко В.В. Истязание и пытка: уголовно-правой анализ / В.В. Векленко, М.И. Галюкова. — EDN KXKTGV // Уголовное право. — 2007. — № 4. — С. 15–18.

8. Дворянсков И.В. Уголовная ответственность за пытку и иное бесчеловечное или унижающе достоинство обращение с заключенными / И.В. Дворянсков. — EDN BZMYYI // Уголовное право. — 2003. — № 4. — С. 19–21.

9. Кашепов В.П. О гарантиях уголовно-правовой защиты безопасности личности / В.П. Кашепов // Журнал российского права. — 2005. — № 12. — С. 10–16.

10. Кузнецов А. Вопросы уголовно-правовой охраны здоровья в свете изменений и дополнений Уголовного кодекса / А. Кузнецов, Т. Нуркаева. — EDN TUIALI // Уголовное право. — 2004. — № 3. — С. 38–39.

11. Ся Юнь. Пытки и утилитаризм (размышления об этике и институтах при сравнительном анализе точек зрения Китая и Запада) / Ся Юнь. — EDN GYGFOO // Государство и право. — 2005. — № 11. — С. 77–87.

12. Панкратов В.В. Ответственность за пытку в уголовном законодательстве Российской Федерации / В.В. Панкратов // Уголовное право. — 2005. — № 4. — С. 38 — 40.

13. Борков В.Н. Пробелы уголовного закона не могут компенсироваться нарушением правил квалификации / В.Н. Борков, К.Д. Николаев. — DOI 10.17223/22253513/36/3. — EDN DDAUMD // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2020. — № 36 — С. 30–37.

14. Безбородов Д.А. Тенденции уголовного законодательства при конструировании норм о необходимом соучастии / Д.А. Безбородов. — EDN ZCROSD // Криминалистъ. — 2017. — № 1(20). — С. 3–6.

15. Мамедова Ф.Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса / Ф.Ф. Мамедова. — DOI 10.17323/2072-8166.2020.1.148.168. — EDN IPLKZD // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 1. — С. 148–168.

16. Галиакбаров Р.Р. Групповые преступления. Постоянные и переменные признаки / Р.Р. Галиакбаров. — Свердловск, 1973. — 180 с.

17. Есаков Г.А. Картельное соглашение и номинальное участие в торгах / Г.А. Есаков. — EDN ZNZEPI // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 12. — С. 76–90.

18. Молчанов Д.М. Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части / Д.М. Молчанов. — DOI 10.17803/1994-1471.2021.133.12.118-133. — EDN IQFYAP // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16, № 12. — С. 118–133.

19. Рарог А.И. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой / А.И. Рарог. — EDN TBWWTL // Уголовное право. — 2014. — № 5. — С. 85–86.

20. Наумов А.В. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует / А.В. Наумов. — EDN TBWWSH // Уголовное право. — 2014. — № 5. — С. 76 — 79.

21. Краев Д.Ю. Преступления, совершаемые с применением насилия: вопросы квалификации / Д.Ю. Краев. — EDN YXFXRW // Законность. — 2019. — № 9. — С. 48–53.

22. Безверхов А.Г. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России / А.Г. Безверхов, Ю.С. Норвартян. — DOI https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.405. — EDN YQDQGD // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2021. — Т. 9, № 4. — С. 522–534.

23. Кондрашева Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности / Т.В. Кондрашева. — Екатеринбург, 2000. — 320 с.

24. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова [и др.] ; под ред. А.В. Галаховой. — Москва : Норма, 2014. — 736 с.

25. Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / О.Д. Ситковская. — Москва, 1999. — 589 с.

REFERENCES

1. Carraro V. The More the Better? The Complementarity of United Nations Institutions in the Fight against Torture. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 2022, vol. 40, no. 4, pp. 354–378. DOI: 10.1177/09240519221131668.

2. Engstrom P., Pegram T. Torture Prevention in Latin America: Rights of Persons Deprived of Liberty and the Role of National Preventive Mechanisms. In Burbano H.C., Haeck Y. (eds.) *Human Rights Behind Bars. Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice*. Cham, Springer Publ., 2022. pp. 319–350.

3. Ibrayeva A. Some Aspects of Fight against Tortures in Kazakhstan. *Medicine and Law*, 2017, vol. 36, no. 3, pp. 77–88.

4. Jefferson A.M. Situated Perspectives on the Global Fight against Torture. *In Reflexivity and Criminal Justice: Intersections of Policy, Practice and Research*. Publisher Palgrave Macmillan Publ., 2016. pp. 335–356.

5. Kelly T. The Struggle against Torture: Challenges, Assumptions and New Directions. *Journal of Human Rights Practice*, 2019, vol. 11, no. 2, pp. 324–333. DOI: 10.1093/jhuman/huz019.

6. Ribotta S. Torture and Ill-Treatment in Democratic Spain. *Cuadernos Electronicos de Filosofia Del Derecho*, 2020, no. 43, pp 155–188. DOI: 10.7203/CEFD.43.17577.

7. Veklenko V.V., Galyukova M.I. Abuse and Torture: Criminal Law Analysis. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2007, no. 4, pp. 15–18. (In Russian). EDN: KXKTGV.

8. Dvoryanskov I.V. Criminal Liability for Torture and other Inhumane or Humiliating Treatment of Convicts. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2003, no. 4, pp. 19–21. (In Russian). EDN: BZMYYI.

9. Kashepov V.P. On Guarantees of Criminal Law Protection of the Security of a Person. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2005, no. 12, p. 10–16. (In Russian).

10. Kuznetsov A., Nurkaeva T. Questions of Criminal Law Protection of Health in View of Changes and Amendments to the Criminal Code. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2004, no. 3, pp. 38–39. (In Russian). EDN: TUIALI.

11. Sya Yun' Torture and Utilitarialism. Reflections on Ethics and Institutions from the Comparative Perspective of China and the West. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2005, no. 11, pp. 77–87. (In Russian). EDN: GYGFOO.

12. Pankratov V.V. *Liability for Torture in Criminal Legislation of the Russian Federation. Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2005, no. 4, pp. 38–40. (In Russian).

13. Borkov V.N., Nikolaev K.D. Violation of the Rules of Qualification Cannot Compensate Gaps in the Criminal Law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2020, no. 36, pp. 30–37. (In Russian). EDN: DDAUMD. DOI: 10.17223/22253513/36/3.

14. Bezborodov D.A. The Modern Criminal Legislation Trends in the Creation of Legal Rules Concerning the Necessary Complicity. *Kriminalist = Criminalist*, 2017. No. 1, pp. 3–6. (In Russian). EDN: ZCROSD.

15. Mamedova F.F. Justice in Criminal Law: Current Status of the Issue. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 1, pp. 148–168. (In Russian). EDN: IPLKZD. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.148.168.

16. Galiakbarov R.R. *Group Crimes. Permanent and Variable Features.* Sverdlovsk, 1973. 180 p.

17. Esakov G.A. Cartel Agreement and Formal Participation in Tenders. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Herald of Economic Justice*, 2020, no. 12, pp. 76–90. (In Russian).

18. Molchanov D.M. A Crime Organizer in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation and Special Rules on Complicity of the Special Part. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2021, vol. 16, no. 12, pp. 118–133. (In Russian). EDN: IQFYAP. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.118-133.

19. Rarog A.I. Violence as an Element of Crime. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2014, no. 5, pp. 85–86. (In Russian). EDN: TBWWTL.

20. Naumov A.V. The Aggregate in Divisible Violent Crimes: When Present or Absent. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2014, no. 5, pp. 76–79. (In Russian). EDN: TBWWSH.

21. Kraev D.Yu. Crimes Committed By Force: Issues of Classification. *Zakonnost' = Legality*, 2019, no. 9, pp. 48–53. (In Russian). EDN: YXFXRW.

22. Bezverkhov A.G., Norvartyan Yu.S. The Ratio of the Categories «Violence» and «Threat» in Modern Criminal Law of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*, 2021, vol. 9, no. 4, pp. 522–534. (In Russian). EDN: YQDQGD. DOI: 10.21638/spbu14.2018.405.

23. Kondrasheva T.V. *Problems of Criminal Law Liability for Crimes Against Life, Health, Sexual Freedom and Sexual Invulnerability.* Yekaterinburg, 2000. 320 p.

24. Antonov Yu.I., Borovikov V.B., Galakhova A.V. [et al.]; Galakhovoi A.V. (ed.). *Appraisal Features in the Criminal Code of the Russian Federation: Reseach and Court Interpretations.* Moscow, Norma Publ., 2014. 736 p.

25. Sitkovskaya O.D. *Psychological Comments to the Criminal Code of the Russian Federation.* Moscow, 1999. 589 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скрипченко Нина Юрьевна — профессор кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент, г. Архангельск, Российская Федерация; e-mail: n.skripchenko@narfu.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skripchenko, Nina Yu. — Professor, Chair of Criminal Law and Procedure, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law, Ass. Professor, Arkhangelsk, the Russian Federation; e-mail: n.skripchenko@narfu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за пытку: современное регулирование и проблемы реализации / Н.Ю. Скрипченко. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(4).372-382. — EDN STEMLT // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 4. — С. 372–382.

FOR CITATION

Skripchenko N.Yu. Criminal Responsibility for Torture: Modern Regulation and Implementation Problems. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 4, pp. 372–382. (In Russian). EDN: STEMLT. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(4).372-382.